

УДК 39
Т 65

Издание и авторская работа выполнены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты № 08-01-00497а; № 12-01-16023д),
а также Правительства и Министерства искусства
и культурной политики Ульяновской области

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодialectный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

ISBN 978-5-91674-215-2

В Этнодialectном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры в их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

© Коллектив авторов, текст,
илюстрации, 2012
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2012

ISBN 978-5-91674-215-2

ПОКОЙНИК СНИТСЯ

Одним из возможных способов общения и контакта с умершими близкими является сон. В Ульяновском Присурье широко распространены поверья и рассказы, связанные с подобными представлениями. Сновидения о покойниках могут пересказываться в любое время (в рамках беседы), но наиболее значимы в этом отношении так или иначе отмеченные периоды: например, поминки, день рождения умершего и т.п. Рассказывают и толкуют сновидения об умерших чаще всего пожилые женщины. Однако это преобладание достаточно условно: активными участниками такой беседы могут быть и дети, и мужчины. Последние, как правило, склонны придавать меньшее значение своим снам, реже воспроизводят их повторно.

В большинстве текстов о приснившемся покойнике его приход так или иначе мотивирован. Наиболее часто в рассказах о снах в качестве возможной причины прихода покойника называются нарушения каких-либо правил, связанных с похоронно-поминальной обрядностью: забыли помянуть или положить в гроб определенные предметы; обрядили покойника в не подходящую одежду; неправильно повели себя во время похорон или на кладбище; излишне тосковали по умершему и т.д.

Указание на нарушение в таких рассказах оформляется благодаря достаточно ограниченному набору мотивов. Например, благодаря прямому словесному указанию покойника. Так, соседка рассказчицы не смогла помянуть умершую мать, затем пришла к информантке «и гаварит: “Тётя Наля, грит, замучила миня мамка-та, грит [во сне]: “Таня, ну, ведь ты, грит, так и сделыла, ты уж ни пазвала никаво, — ну, ана, вроди, как живая, — ну, уж ни пазвала ты на мой праздник никаво, а я, грит, как дожидалась этава праздника-та, а ты, грит, не пазвала”. Вот ана ка мне пришла [=сновидца в реальности пришла к информантке], мне принялася вата: “На вот, тётя Наля, памяни маму”» [ЕАН, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1].

Более распространены тексты, в которых указание на нарушение представлено в опосредованной форме (через определенное действие покойника, сопровождающееся характерными репликами, либо через описание условий существования умершего). «Мая мама каждый год паминала в день смерти иё матери, паминала иё. Аднажды ана забыла эта сделыть, и вот ей в эту ночь (на следующую, значит) приснился сон: ана идёт, а навстречу идёт иё мать, с бальшой чашкой пустой, падашла к ней и ударила этый чашкий па голове маму. Мама гаварит: “Ты што, мам, миня как ударила?” Ана гаварит ей: “А ты миня как ударила!” Ана, грит, вспомнила, что иё ни памянула» [ФМИ, с. Сара; СЕВ Ф2006-5]. «Вот Файя мне приснилась гóла Файя вон Губина, мая соседка, гóла. Умирла, вот сорак дней прошло токо што... гола, в тимнате. Ане [=родственники] ни жгли лампадку, нада жечь лампадку сорык дней. Ани ничаво ни жгли, я им и лампадку атдала. <...> Ана [=умершая соседка] сама на сибя [при жизни] нагаварила: “Я и в Бога ни верыву”, — а у самой

икон пално. Я и ни хотела читать... А патом уж я пашла, пачитала: ну, как же — соседка» [ГЗС, с. Барышская Слобода; СЕВ Ф2006-4].

Кроме того, указание на нарушение в подобных текстах может оформляться, например, как просьба покойного, обращенная к живым. Типичными реакциями на действия приснившегося покойника является выполнение просьбы или ликвидация нарушения. «Вот брата яво видала, дедушкиныва [=видела во сне брата своего мужа]. И вот вижу: падашёл к акошку. И я падашла к акошку — [он] во всём в старом и спрашивант: “А ты, знаишь, видъ, Валь, как я есть хачу...” А у няво дитея [в реальности] цела куча, четвира... А я [после сна] дедушки [=мужу] гаварю: “Дедушка, видна, уж ни падают ани [=дети умершего] ничаво аб нём. Давай, я куплю хоть пяченья да атнясу в садик рибятишкам”. Рибятишки, — ани ведь лучше всех памянут, патаму што радасть им какая! Я принялася, ани: “Баба Валя, баба Валя пришла, принялася нам гостиниц!”» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1]. «Иё [=знакомую женщину информантки] пакаранили, ну, как обычно, ва всём такем нарядным, ну, когда вон винчающца, в такем платье, увал и всё там. И на дели на ниё белы туфли на каблуке. И вот прашло сколька, и иё мать видит ва сне: “Эх, мам, как я устала, у миня как ноги балят! Купи тапычки..” — да гаварит: “Вот падай вот этаму чилавеку, — там назвала, — как, гаврит, у миня только ноги балят!” Я гаварю [=информантка говорит сновидице]: “А ты уж, Зин, дадумала! Туфли да на каблуке ёщё, — зачем? Пускай какая бы ана ни была, маладая ана, всё равна нада каранить — класть в тапычках, абизательна в тапычках...”» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1].

В некоторых рассказах описывается повторное явление покойника в сновидении, в котором он как бы подтверждает правильность выполненных сновидцем действий. «И вот будта он [=умерший муж, во сне] сидит как на печки. Я гаврю: “Чиво у вас там? Чем вас кормят?” А он говорит: “Да кормят-та харашо, да вот курива нет”, — он курил — и курива нет. И вот я, значит... Значит, нет курива, — я [после сна] канун прачитала и падалá, падалá... Юрка Котирив [=односельчанин] курил [и ему подала]. И вот мне [еще раз] приснился: вот курит!.. И дыму валит, из папирочки валит дым. И такой улыбающий — эта значит он накурился» [ГЗС, с. Барышская Слобода; СЕВ Ф2006-4].

Соблюдение правил со стороны живых (т.е. их ненарушение) расценивается как вероятная причина отсутствия упомянутых действий покойника. «Нет, он [=сын] и ни будит прасить [во сне], патаму што мы падаём, я всё время...» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1]. Определенные действия живых (например, постоянная молитва об умерших) способны вообще предотвратить явление покойника во сне. «Вот плачу об [умерших] сыни, об внуки, плачу день и ночь, иничово ни во сне ни видицца, иничово ни делацца. А бывала сразу вот [снились], а щчас нет, ни най, молюсь всё время на книжки да лампадка горит. [То есть если молишься, то сниться не будет?] Нет, ни сняцца» [ММД, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-4].

Такие действия могут приводить к своеобразному внутреннему конфликту: несмотря на то что сновидение об умершем желанно, поступки живых не позволяют реализоваться этому желанию. Характерно в приведенном ниже примере и обращение к «знающему» (роль которого в данном случае выполняет представитель церкви), поскольку сновидения часто провоцируют проблемные ситуации, требующие совета и интерпретации. «Ну, мне вот ни приходилось [=не снились умершие], — я всё время молилась об них, а хотелось, вроди, чтоб приснилась... Я б вот с [умершей] доченькой-та бы павидалась да поговорила. У батюшки спрашивала: “Што мне ни снница, вот адин раз толька ана мне приснилась? Как хочицца вроди бы: скучилась я”. А он говорит: “Хорошо, што не снница, эта ты молишься за неё, вот она и ни снница, и не нада, чтобы снилась”» [ЧАИ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-3].

Особенно показательны (с точки зрения региональной и локальной специфики) тексты сновидений, в которых акцентируется внимание на конкретных деталях (представлениях, реалиях и т.п.) похоронно-поминального обряда. Например, в с. Потьма установка индивидуальных оград на кладбище воспринимается скорее негативно (как нарушение). Это объясняется бытующим здесь поверьем о том, что ограды мешают душам умерших «гулять», «ходить». Такие представления отчасти поддерживаются и рассказами о снах. «Я была, видела сон: вот хажу, хажу как па кладбищам, на кладбищи, хажу и хажу па кладбищам-та, а оне будта вот таке-еи бальши кладбища, и визде всё загарожина и сидят все миртицы, все сидят в этих в сваих загародках. А я вот их [=умерших близких] ишу, ишу и ишу и никак ни найду. И будта я падашла к аднаму знакомому [=умершему], я грю: “Шур, а вот ты ни видал здесь, я гаворю, наших?” <...> А он гаварит: “Нагарадили еще, грит, клеткыв здесь, зачем, грит, этих вот клеткыв здесь нагарадили, мы сами сидим вот все в клетках”. <...> Да-да-да, здесь же аграды делают щас все, бывала, не была никаких аград, а щас всё — на какую красату, што ли, или чаво ли — ни знай...”» [ЕАН, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1].

В с. Засарье (как и в ряде других сел Сурского р-на — Сара, Ждамирово и др.) принято до сорока дней после смерти подавать жёрдочку (то есть полено или палку). Обычно это совершается ближайшими родственниками умершего в качестве «тайной милостыни» (см. *Душу провожать, Поминки*). Согласно поверьям, если жёрдочка не подается, то покойник не может перейти на том свете через некую реку. Данные представления подтверждаются рассказами о снах. «[Родственники умершего не подали жердочку]. Ей [=родственнице] снница сон: где-та сидит он [=умерший] на бирягу. Вроди какая-та речка ни речка, но какая-та трисина. Ана, значит, апять иму гаварит: “Ну, пирихади сюда”. Он гаварит: “Да я бы рад — пиришёл, да мне не па чиму, а тут видишь, лодка-та ни прайдет: вон какая тут трисина-та, как лодку-ту пустить-та, а мне шагать-та да и не па чиму. Нет у миня пириходата”. Вот тожа, эта ишё сорак дней ни паминали. Тожи я взила жирдину и вот туда саседям атнясла. Прям палажила молча, никаму ничё ни сказала»

[ВЕМ, с. Засарье; ЦАО Ф2000-9]. «[Родственники утонувшего не подали жердочку]. И вот, грит, ва сне я видил: он [=умерший], грит, карабкаца, карабкаца — ни в какую никак. Он [=один из родственников умершего, в реальности после сна] в агарод бросился, схадили в дубки, принясли две жерди...» [СЕМ, с. Сара; СЕВ Ф2006-8].

Отметим, что данное представление актуализируется и в тех рассказах о снах, которые напрямую не связаны с мотивом указания на нарушение. Такие тексты как бы подтверждают правильность действий представителей «нашего мира» (подачи тайной милостыньки — жёрдочки). «И вот он [=умерший муж рассказчицы] мне снница потом [=после того как подали жёрдочку соседке]. <...> Он кричит мне с той стороны-ти: “Лизк, я ведь к тибе иду!” Я говорю: “Иди”, — вроди еще... как живой. Я говорю: “Иди”. Ну, вот. Говорит: “А негди мне пирыходить-та”. Я говорю: “Как негди?” — “Нет”. Я грю: “Погляди хорошенъка-та”. А у нас там эдаки вот ста-лы были, я грю: “Погляди там хорошенъка-та”. Он спустился да грит: “Эх, правда, тут видь есть ход, да доска-та хоро-оша”» [МЕМ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-11].

Наряду с нарушениями тех или иных правил похоронно-поминальной обрядности, приход покойника может мотивироваться в рассказах о снах и нарушениями другого типа: например, несоблюдением некоторых этических и бытовых правил. «[Снится умершая соседка]. Я [=сновица] гаварю: “Расскажи, как вы там живёти?” Ана гаварит: “Харашо, очинь харашо: всё у нас есть, эта как прадалжение жизни существует”. — “Кормят вас нармально?” — “Всё нармальна, мне ни хватает толька вады”. “Ни нам”, а “мне”, — а у ниё атец [в реальности] ни пускал людей в калодиц воду брать...”» [КЗИ, с. Б. Поселки; ПЮА Ф1999-22]. «У миня у самой-та муж умир... И вот адин раз — у нас тут, у миня крылечка паламалысь [в реальности]. Ну, как паламалысь — вылитила вот на чиво наступать и скрипит, а я, значит, — затаплять (вроди там кательная у нас), затаплять... Села, тожи затапляю. <...> И взила картошку мять вот курам [=взяла колотушку, которой мнут картофель], и взила, и вот так думаю: щас вот нимножко пристукаю иё, эту [доску на крыльце]. Ну, пастукала — ладно... Ну, биза всякая: чё — яничё ни сделала, ладна... Посли этыва ночью, в эту же ночь мне снница сон: он мне гаварит, —ничё са мной ни разгаваривант, только мне гаварит: “Мать, ни этай калатушкой нада забывать: нада взять малаток, сначала атарвать, а патом прибить”. Я удивилась, я

Могила на кладбище с. Вальдиватское. 2005 г. Фото И.А. Морозова

вот после этыва, я удивилась: да сих пор я сматрю на это крылечко и я вспоминаю этыт сон...» [ПНФ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-3].

Явление умершего во сне может мотивироваться приближением срока жизни сновидца или его непосредственного окружения. Приход покойника в таких текстах расценивается как предвестие смерти. Типичными действиями умерших в этих рассказах являются зов, приглашение или увод с собой сновидца (его родственников и знакомых). «[Перед смертью друг информанта видит во сне умерших своих] И ани, сваяки, гаварят иму: «Аликсандр Иваныч, приходи к нам, нам биз тибя тижило, у нас есть — как там... калым или шабашка, я ни знаю, — мы будим строить малинькии домики, да ани сказали, мы будим малинькии домики строить, мы уж тибе работу там нашли...» [УИД, с. Сара; СЕВ Ф2006-1]. «Ани [=покойники] ва сне завут, каму умиреть, ани завут. <...> Ана [=сновицица, родственница рассказчицы] гаварит: «Ка мне мать приходила, гаврит: Шурка, я ведь за тобой пришла». Ана [=сновицица] гаврит: «Ну, я ни хачу идти с тобой». «Ну, ты ни хочишь, всё равно придёшь, — гаврит, — ка мне». Вот эта ана рассказывала жи вот пирид смертью» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Кладбище в с. Ждамирово. Крест с венком. 2009 г. Фото М.Г. Матлина

Отметим, что в качестве предзнаменования смерти (а также ряда иных негативных для сновидца и его окружения событий — болезни, аварии и т.п.) могут выступать и некоторые другие действия приснившегося покойника. «Вы знаите, у миня мама умирла многа лет назад, и да саракавова дня (как мы гаварим, примета: верим — ни верим) ва сне видила я маму, как будта ана пыднималась из гроба — ну, может, что-то такои я сама па сибе падумала, ну, наверна, что-то случицца ишё, патому что ана пыднилась, глаза открыла,ничиво ни гаварит, а только сматрит. И сон прашёл, я встаю мужу гаварю: «Што-то сон я такой ниприятный видила, видала бы я маму так вот проста, как бы наиву, а эта вот в грабу да вот вставала — эта что-то какай-та ниприятнысь». Чириз день тилиграмма: брат умир, вот ана пажалуста — тилиграмма» [ЛАН, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13].

Последний пример близок к «собственно вещим» снам (термин М.Л. Лурье). Главная функция этих рассказов — прогностическая. Значимость описания самого контакта с покойником (пересказ собственно содержания сна) здесь сведена до минимума. В таких текстах более важным является

соотнесение с определенным событием реальности, нежели описание сновидения (см. *Вещие сны*).

Помимо перечисленных мотиваций прихода действия умершего могут быть ограничены сообщением определенной информации об ином мире (информированием). При этом какое-либо соотнесение с событиями реальности (по принципу: приснилось — сбылось) в таких рассказах обычно отсутствует. Эти тексты часто организуются на основе вопросно-ответной конструкции: сновидец спрашивает умершего о том свете, покойник отвечает. «[Мать информантки спрашивает во сне свою умершую мать:] «Мам, ну как вы там? Чаво делыти?» — «Ой, мы в саду живём, яблыкав у нас много урадились, яблыки сабирам». — «И многа яблыкав?», — я иё спрашиваю. «Ой, многа, аж дивить некуда, прям кучи лижат в саду-ту у нас». И я, грит, абирнулась, и ана у миня прапала, больши никаво ни сказала, ана у ней прапала» [MMC, с. Потьма; СЕВ Ф2005-2]. «Вот здесь у нас жила, ну, ана как стара девка была, ага. Я ей гаварю [после ее смерти, во сне]: «Панка, где ты живёшь? — я иё спрашиваю вроди ва сне-та. — Где ты живёшь?» «Катька, я живу в раю, — ана гаварит. — Са-ады адни цвянут, грит, так цвянут сады, — ана рассказывает, — так цвянут сады». А я, мыл: «Ну, всё там гаварят, там ад есть?» — Ана: «Есь, есь, узнате, придёте, узнате, за что будите ативичать, вы придёте — узнате...» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Нередко в подобных рассказах акцентируется сходство между мирами живых и мертвых. В известных нам текстах указанная близость выражается через тождество основной деятельности (в частности, профессиональной) умершего на том и этом свете. «Я гаварю: «Мне вот Салай [=умерший знакомый] приснился». Я иму: «Ты што там делаешь?» — «Да все эта ж. Из кирпича печки кладу [умерший при жизни был печником]» [ШВИ, с. Барышская Слобода; ЦАО Ф2000-8]. «У миня вон у мужа дядя умир, вот сница жине, яво жине сон, гаврит: «Што я здесь жил, што там жизнь: закатали, грит, миня бирёзовые арава», — а он в лясу [при жизни] работал. «И там, грит, работаю, эдак же, как и здесь работал: пилью, калю, кладу»» [СЕМ, с. Сара; СЕВ Ф2006-8].

Иногда в текстах, организованных на основе упомянутой вопросно-ответной конструкции, описание того света сопровождается формулой «хорошо, но только...». С помощью данной формулы выражается определенная просьба или претензия умершего к живым, т.е. мотивация прихода связывается не столько с информированием об ином мире, сколько с указанием на конкретное нарушение сновидца или его окружения. «И стала, грит, иё спрашивать [=сноха рассказчицы спрашивает во сне умершую мать информантки]: «Баба Сар, как ты там живёшь?» — «Харашо живём, работам, у нас харашо, вот [только] сахарку нет». Прихажу [в реальности], ана [=сноха] мне рассказывают: «Мам, значит, баби сахыру нада, ана, навернаи, сахыру просит у миня», — ана пашла купила полкило и падалá...» [MMC, с. Потьма; СЕВ Ф2005-2]. «[Односельчанину снится умерший отец информантки («Стёпа»); сновидец спрашивает его:] «Стёп, ты што? Как ты

там живёшь?" А он гаварит: "Живу я харашо: адетый, абутый. Всё у миня есть — сътый. Вот только все чужии, ни магу привыкнуть", — пахаронина в Ульяновски, никаво нет...» [ВРС, с. Засарье; ЦАЮ Ф2000-9].

Информирование об ином мире может реализовываться в рассказе о сне не только как словесное описание того света, но и как его своеобразный «показ» (посещение). «Вот сон этыт я ни забуду: вот видала я яво больна уж в цвятах, мужа: вот что ни иду — цвяты, что ни иду — во всё цвяты — вот уж всякими, всякими цвятами, а я будта иду, а мне навстречу идут вроди как женщины. <...> "Ты далёко ли идёшь?" — вроди миня спрашивают. "Да иду, мыл, вот сюды — к мужику". — "О-ой, ты, грит, к няму ни дайдёшь: туды, грит, что ни пайдёшь, то ищё больши цвятов, да". И вярнули будта миня две женщины в чёрным, вярнули, миня: "Айда-ка, мы тибе ёшё чаво пакажим". — "Чаво, мыл, пакажите вы?" — "Вот где, грит, упокойники-ти ёшё — вот стары-то, стары-ти". — "Где, мыл?" Вот будта в гору, в гору пришли, и туда будта вдалблённа вот как яма какая туды, и мы туды — миня завяли, акошкыв нигде нет, а свято. "Вот, грит, мы здесь находимся". — "А как же вы, мыл, здесь?" — "Мы, грит, всё здесь видим", — вот в такую в тёмну вещу миня ввили, вот там как в гаре врыто в какои, в яму, вот мне паказали. И вот мне яво, я яво ни вижу, а только вот гаварят, что это вот твой, мыл, мужик тама, в этих цвятах, что, грит, дальше ни пайдёшь, ёшё, гаврит, больше цвятов-та» [ЗМД, с. Потьма; СЕВ Ф2005-2].

В рассказах, в которых покойник указывает на нарушение сновидца (или его окружения), доминирует дидактика. При этом сновидение может не просто регулировать соблюдение определенных правил, но и устанавливать (конституировать) их. Например, для одной из семей, проживающих в с. Потьма, описанное выше представление (о негативной роли оградок для посмертного «бытия» умерших) было актуализировано благодаря следующему сновидению: «А у нас вот нет аградки [=у родственников рассказчицы на местном кладбище]: мама тада, пакойна свякровь, дедушка-та ей приснился, свёкр-та: "Вот бы Катя, всё харашо, но эта... кругом агарожина, высокий забор, нигде выйти ни магу..." Вот эта приснился, да, ей сон... Ана тада мне говорит: "Умру, мне аграду ни делайти, ни нада никакой аграды, а то я и буду — ни вылизу нигде"» [ПВП, с. Потьма; СЕВ Ф2005-14].

Таким образом, общее (для определенного социума) представление на уровне отдельной семьи конституируется и поддерживается благодаря практике пересказа сновидений. Рассказ о сне выполняет здесь функцию своеобразного семейного предания, фиксирующего правила действий в определенных ситуациях.

Эта же функция эксплицирована, например, в следующем тексте, в котором достаточно распространенное поверье (о том, что покойники одного кладбища собираются вместе, чтобы встретить душу погребенного) актуализируется и одновременно дополняется благодаря сновидению. Во сне устанавливаются правила поведения, которых сновидца должна в даль-

нейшем придерживаться. «Вот Зойка-та вот Пахомыва, у ней муж-то умир, вот [она] тожи говорит: "Вот как покойника понисут на кладбищи, я, — говорит, — все дела бросаю и бигу коронить этова чиловека-та: там, говорят, когда этова чиловека коронют, все эти мёртвы, они ево встряают. Ну, и вот: я, грит, хожу и хожу, и он, грит, мне один раз [во сне] и говорит: "Зой, — говорит, — ты ни ходи в этыт мамент ко мне, когда коронуют". — "А што, — грит, — ни ходить-та?" — "Я, — грит, — тиби ни вижу: мы встрячам, к нам гостей нясут, мы, — грит, — все тама: мы встрячам, а мы вас ни видим, кто пришли к нам"»... [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31].

В рассказах о сновидениях, в которых роль покойника состоит в основном в сообщении ряда сведений о том свете или показа инобытия, доминирующей является гносеологическая функция. «Вот у миня мать-та видила жи: иду, гаварит, глижу ва сне — ох, скока, гаварит, тока рабитёшиков и луга, цвяты цвянут, и ани, гаварит, все тута. А я, гаварит, спрашиваю тут (стайл, гаварит, женщина): "Эта, гаварит, што?" — "Ну, што, гаварит, вот рабитёшички — как детский сад". — "А чаво, гаварит, ани?" — "Ани, гаварит, сабяают цвяточки". — "А тут, гаварит, вот што тичёт?" — "А эта, гаварит, сахарна речка. Ане, гаврит, вот сабирают тут и папьют тут". Ани чаво — каторы бизымянны, каторы какие, — вот ане все ходят, — умёрши..."» [КЕВ, с. Сара; СЕВ Ф2006-3].

При присутствии в пределах одного текста дидактической и познавательной функций обычно доминирует дидактика. Это обусловлено тем, что описание того света в таких рассказах почти всегда подчинено указанию на нарушение, т.е. сновидцу описывается (показывается) только то, что непосредственно связано с несоблюдением определенных правил. В подобных текстах дидактическая направленность может реализовываться опосредованно — через описание или показ последствий нарушений самих умерших (совершенных тогда, когда они были живы). «Он [=умерший сосед, во сне] стайл в старай фуфайки, в старай шапки — это нихарашо, канешна: в старам ва всем. "Ой, — грит, — Валинтина, как, грит, мне там плоха!" — "А што, мол, тибе там плоха?" — "Ни принимают, грит, миня нигде". Вот... А пачиму ни принимают — он жил раньши с систрой са сваей, он грешный, вот паэтому, паэтому иму и плоха..."» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1]. «У миня внучонку приснился сон (он тятай иво, дедушку, звал): "Тять, а тять, а ты видишь маму-ту?" А он гаварит: "Нет, Вань, ни вижу, ана, — гаварит, — с избранниками, а я матирно ругался, миня туды ни пускают", —

Кладбище в с. Вальдиватское. 2005 г.
Фото И.А. Морозова

вот приснился прям сон яму... Ну, с избранниками — всё-таки ана, мама, всегда гавела, ни с кем ана никогда ни ругалысь, церкви ана навищала... Ну, и вот — иво тятя-та и спрашивант, тятя-та яму приснился...» [СЕВ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-3].

Рассказы о снах могут также выполнять интегрирующую и психотерапевтическую функции. Так, анализ материалов, записанных методом включенного наблюдения на поминках в нескольких селах Ульяновского Присурья, показывает, что участники этого обрядового акта создают совместную «поминальную биографию» умершего, в которой рассказы о снах (главным образом, тех, что предвещают смерть покойного) занимают существенное место.

Рассказывание сновидений на поминках (как и участие в похоронно-поминальном обряде в целом), подкрепленное эмоциональной необходимостью пережить случившееся несчастье, определенным образом объединяет собравшихся. В качестве примера можно привести описание похорон четырнадцатилетнего мальчика — А. Трунина, проходивших в 2001 г. в с. Проломиха. На поминках после похорон была воспроизведена серия текстов о снах, среди которых особенно значимы рассказы матери умершего: «Сын ей все время снился при жизни, и снился очень плохо: то он упадет во сне в яму, то он приснится со всеми умершими родственниками и т.д. Все женщины на поминках начали говорить: «Это означает, что ранняя смерть — его судьба, она предписана Богом, ты не переживай» и т.п. Другая женщина, присутствовавшая на поминках, рассказала о том, что у нее умер племянник — также молодой парень. При этом она сообщила свой сон, в котором она увидела пришедшего к племяннику Бога. Бог сказал: «Ты не переживай, со всеми простись, с матерью простись, я тебя призываю». В общем, этот сон она рассказала на поминках, и мама Трунина начала немного успокаиваться» [ЛА КАМ].

В качестве показательного примера реализации психотерапевтической функции можно привести следующий рассказ. «Вот адин-то [=погибший сын], который второй-та — убили у миня яво, пришли вот эдак пьяницы-те... Он уже был, яму питься шесть гадов было, он с жаной развёлся, жил адин, взял другова вот сына. И вот пришли ночью-та пьяны и скрутили голыву. Вот третий год уж он у миня. Вот он мне эта присниласи, что: «Я, — гаварит, — сам с ними разбярусь патом, вот». И мы знам, кто [убил], а всё равно — милиция щас так ни судит: нада дениг памногу, а у миня нет. <...> Внук — у миня задавили машиной спициально, яму тридцать адин год был, девычка посли иво астальсь, тожи. Щас ведь как: с багатым ни судись. <...> Матири [внука] приснился, тожи так гаварит: «Мам, тыничаво ни гавари пра няво, кто задавил: я сам яво накажу»» [КАИ, с. Барышская Слобода; СЕВ Ф2006-4].

Можно предположить, что подобные сны и их пересказы для ближайшего окружения информантки (прежде всего среди родственников) инициируют действие своего рода компенсаторного механизма, ослабляющего психологический дискомфорт ситуации.

В отдельных случаях рассказы о снах используются как средство своеобразного утверждения собственной социальной позиции (мнения, отношения) или позиции определенной группы. Информантка в праздник («на Родителей») помянула всех умерших за последнее время в селе, за исключением тех, на кого была в обиде; после этого ей снится сон. «Он [=умерший муж] будта в церковь пришёл... Я всё сило помянула, а все, ково помянула, вот у нас церковь там открыта, и оне будта там все под этим, ни мочит их, а на улицу глянула — а тут чирнó, дождик идёт, и которых ни помянула, ани тут стаят. <...> Злая была на которых и я их ни помянула, и они вот окыла церкви в этом в этаком в густым, жутка да темно там. И вот ани там... Посли-те [сна, в реальности] поминала их...» [КАИ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-10].

Добавим, что подобную функцию могут выполнять не только сны о покойниках. Показателен, например, следующий текст, в котором сон также используется как средство утверждения собственной социальной позиции. При этом отчасти актуализируется интегрирующая функция рассказывания, поскольку указанная позиция выражает отношение определенной группы людей.

В настоящее время в с. Ждамирово между местным священником и немногочисленными прихожанами (в основном пожилыми женщинами) сложились непростые отношения, обусловленные в определенной степени поведением самого «батюшки», все опрошенные нами информантки священником недовольны. Это групповое отношение находит свое отражение и в рассказах о снах прихожан местной церкви. «У нас батюшка нимножка грубаватый... И как-та вот приснилась мне: темно в церкви, и этат батюшка Аликсей как-та спаткнулся да упал. Гаварю: «Батюшка, вот ни нада грубысть-ту на нас пускать-то, а то видишь, мы в какой темнате», — вот так как-та приснилась...» [ЧАИ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-3].

Характерно, что рассказы о снах достаточно часто используются в агиографических текстах и в рассказах о сакральных локусах (см. *Никольская гора*). Во всех этих случаях рассказы о сновидениях выполняют функцию «гаранта святости», реплики инообытия, подтверждающей правильность избранной позиции или отношения.

Так, в с. Сара почтается местная целительница и провидица («нянюшка Наташа»). К ней ходили, чтобы исцелиться и узнать судьбу. В настоящее время после ее смерти односельчане посещают ее могилу и рассказывают о чудесах, связанных с ее именем (см. *Монашки*). Определенное место в этом своеобразном культе занимают рассказы о снах. В фиксированных нами текстах умершая «нянюшка» указывает во сне на те места, которые нужно почитать (место бывшей церкви, ее могила и др.); говорит о том, как надо вести себя на кладбище; утешает и помогает сновидице обрести желаемое; оценивает окружающих сновидицу людей и т.д.

Важность таких текстов обусловлена не только их высоким статусом «реплики инообытия», но и уникальной возможностью пережить и рассказать

другим об опыте (например, об опыте контакта с умершей «нянечкой»), который в любой другой форме невозможен. «У нас вот мая заловка вот видела вот няньку Наташу: ана к ней хадила, ей уж восемьдисят семь лет, этай вот заловки-ти, ана к ней и хадила и всё. И вот, грит, мне сница сон. Бижит, грит, саседка (тожи мёртвa ана) и грит: “Пайдём-ка, грит, в агород-та”. Я грит: “Чаво, грит, тама?” — “Да пайдём скорее!” Я, грит, выбыгаю тожи, и ана, грит, впирёд — я, грит, за ней. И вот, грит, вот эдык вот: “Гляди, грит, сейчас”. Я, грит, гляжу — и спускаща, гаврит, сверху — вот эдак вот, грит, — крутицца-крутицца-крутицца-крутицца, и пирида мной, грит — хлоп! — и спустилась: нянька Наташа. Гаварит: “Слушай-кася, ты, гаварит, крестисься, а ты, грит, схади, грит, к святыму-ту месту-ту и пакланись, гаварит, всем святым — к церкви”, — у нас церкыв здесь была. “Схажу, нянинька, схажу! Пакланюсь”. — “И так што, грит, у тябя падруги-ти, они, грит, чирнакнижники: ты, грит, к ним ни ходи. Найди, гаврит, лучши других”. — “Каких?” — “Вот, хади [показывает в сторону рукой], а к ним, грит, ни хади”. — “Пакланюсь схажу, всё”, — и обратно, грит, вот раз-раз — закрутилси и всё: стаю, грит, я адна...» [КЕВ, с. Сара; СЕВ Ф2006-3].

Основные функции рассказов о снах, в которых так или иначе описывается контакт с умершими, обусловлены в первую очередь необходимостью утвердить и урегулировать определенные правила поведения (дидактика); пережить эмоционально значимый контакт с умершим близким человеком (а также поделиться этим переживанием с окружающими). Другие функции этих рассказов определяются желанием пополнить информацию об условиях «бытия» иномирных персонажей, а также объединить некую группу и помочь ей социализировать (принять) определенную ситуацию (например, смерть близкого); санкционировать и повысить статус собственной и групповой позиции.

E.B. Сафронов

ПОКОЙНИКА ВЫНОСИТЬ — см. Похороны

ПОКОЙНИКА ПРОВОЖАТЬ — см. Душу провожать,
Похороны

ПОКОЙНИКА УБИРАТЬ

Покойника убирать — традиционный элемент похоронно-поминальной обрядности, который включает обмывание и обряжение умершего в первый день похорон (см.). В селах Ульяновского Присурья не разграничивают два элемента похоронного обряда — «обряжение» и «обмывание», и воспринимают их как единое обрядовое действие в момент, когда умерший находится в состоянии перехода «в мир иной».